

КОРНИЛОВА ДАРЬЯ

Флисовый плед с цыпками

О том, что с ней и правда что-то происходит, она поняла, когда заметила, что уже минут 10 не может взять в толк, что ей делать в городе.

– Ма-ма, сперва ты поедешь к тете Нине, а потом – к нам! – кричала в трубку дочь. – Ну что тут сложного?!

– Ничего! – рывкнула она и швырнула трубку на диван. В голове было серо и шершаво, словно туда засунули скомканный плед из флиса, и он теперь цеплялся за цыпки на руках. Чьих руках? У нее никогда не было цыпок.

Рядом стоял муж.

– Тань, ты и правда не...?

– Что – не?

– Ну, не можешь запомнить?

– Что, Витя?

– Ну, с Анюткой вы сейчас решали: ты поедешь в город, сначала заедешь к Нине, а потом к ней.

– И?

– И ты никак не могла запомнить.

Она ушла в комнату, легла на кровать. Сквозь плед в голове с трудом пробивалось: звонила Аня, просила приехать, а потом сильно кричала. Из-за чего?

Сошла с электрички, огляделась – все привычно, знакомо. Позвонила Аня: мама, пожалуйста, жди на платформе, бегу. Дождалась. Аня подхватила под руку – пойдем, пойдем, не к тете Нине, к ней потом, сперва к врачу. Врач хороший, посмотрит тебя, таблетки пропишет. Сумку отобрала – давай, мам, возьму, а чего так тяжело в ней? Не знаю, ответила она, может, папа чего-то положил? Открыли сумку, обнаружили там коробку с шуруповертом. Аня смотрела огромными глазами: мам, это зачем? Она только разводила руками: первый раз вижу. Позвонили Виктору, оказалось, это он попросил ее передать шуруповерт Нинину мужу.

– Мам, неужели ты не заметила, что везла эту штуку?

Она пожала плечами. Не заметила, да.

Доктор оказалась молодой женщиной с табличкой «психиатр-геронтолог» на груди. Улыбнулась, спросила, как зовут, сколько лет. Потом сказала нарисовать циферблат.

– Циферблат?

– Да, просто цифры пока, без стрелок.

В голове опять плед. Через него нечетко маячила картинка часов дома, на кухне. Нарисовала квадрат. Цифры, теперь надо цифры. Расположить. В квадрате надо расположить цифры. Накарябала с 1 до 12, но как-то не так. Не то.

– Татьяна Степановна, вы начали не оттуда. Сверху в центре должно быть 12, а не 1.

Ах да. 12 сверху в центре. Не 1.

Врач прописала таблетки. Дочь все купила, привезла.

– Мама, ты сможешь сама пить?

Закивала – конечно, смогу. Когда Аня уехала, села изучать названия – ни одного знакомого. Достала аннотацию, развернула – простыня мелким шрифтом. Попробовала прочитать: нарушения мозгового кровообращения, старческая деменция, слабоумие. Скомкала, запихнула в коробку.

– Не буду я это пить!

Коробки забрал муж. Выдавал ей таблетки утром, днем и вечером, говорил, что витаминки для хорошего настроения. Она знала, что не для него, но молчала и пила, хотя чувствовала – не помогают. Все больше пледа, все больше.

Иногда плед отступал. Тогда она прямо с утра ощущала звенящую, радостную голубо-белую свободу в голове. Вставала, мыла посуду, читала книги, даже подпевала телевизору. Виктор в такие моменты оживлялся. Говорил: «А помнишь, мы ездили в Евпаторию?» И они начинали вспоминать Евпаторию, рождение Ани, как она совсем еще крошкой дотянулась до вареной картофелины и сгрызла ее деснами почти всю. Но потом плед появлялся снова – сперва проникал в голову кончиком, и она чувствовала, что вот где-то здесь, справа, опять стала хуже помнить, а следом он весь, целиком, без просветов заполнял черепную коробку. И не вытащить, на руках цыпки: они цепляются за плед, и так неприятно.

Однажды приехала Аня, о чем-то шепталась на кухне с Виктором, потом вышли в комнату. Она в это время смотрела телевизор.

– Тань, – сказал Виктор, – тут такое дело... Сергей умер.

– Какой Сергей?

– Ну дядя Сережа, – вклинилась Аня, – твой брат.

Умер? Жаль, конечно. Ребятки на сцене так хорошо поют, Аня, посмотри. А у тебя-то когда детки будут?

– У меня двое, мам, – устало говорит Аня и трет ладонью лоб.

Виктор у окна вздыхает.

Потом пришли люди, поздравляли. Сперва не могла понять, с чем, потом сообразила – день рождения. У кого? У нее. Сколько ж лет? 75. Господи, уже? Она думала, не больше сорока. Шепотом у Ани: эти люди – кто? Та грустно улыбается: это все родственники, мама, наши родственники. Удивилась – ничего себе, сколько их. Долго вглядывалась в лица, наконец, кое-кого вспомнила: вот Нина, сестра, вот Лена, ее дочь. Остальных так и не признала.

В августе куда-то поехали. Оказалось – на кладбище. Подошли к могиле, на деревянном кресте табличка: Ковалева Христина Ивановна. Христина – это ведь мама. Неужели умерла? На табличке дата – 2002 год.

– Витя, а сейчас какой год?

– 2023-й, Тань.

Как же она похороны мамы-то пропустила? Совершенно непонятно. Это все плед, плед.

Один раз услышала, как Виктор кому-то рассказывал по телефону:

– ...Деменция у нее. Год всего, как диагноз поставили, а почти ничего уже помнит. Такое ощущение, будто кто-то из другого мира прилетел и вселился в ее тело. Строишь – вроде моя Таня. А на самом деле – чужая, совсем чужая. Хотя, с другой стороны, я ей даже завидую. Наш-то мир к чертям катится, а ей до этого и дела нет.

Осенью она оделась, тихонько открыла дверь и ушла. Долго бродила по улицам, хрустела листьями, вставала в лужи. Мимо проходили какие-то люди, иногда здоровались. Она смотрела на них и здоровалась в ответ. Даже улыбалась, кажется. Потом увидела бочку с водой и стала смотреть в свое отражение. Дул ветер, вода в бочке болталась, и вместе с ней болтался мир, болталось небо, болтались деревья. Тогда она стала держать бочку руками, чтобы остановить эту болтанку. Стояла и держала, пока не прибежал Виктор. Запыхавшийся, красный, в руках бумажка. На ней ее почерком написано:

«Витя, я ушла за пуговицей.»

А потом плед вдруг исчез. Не стало его совсем. В голове – голубо-белая пустота.

– Таня? – спрашивает ее Виктор. – Таня, ты что помнишь?

– Я все помню, Витя.

– Как нашу дочь зовут, помнишь?

Она не помнит, как зовут дочь. Да и зачем ей это помнить. Будет вспоминать – опять появится плед. Плед – он из-за того, что голова напрягается. Если не напрягать ее, то и пледа не будет. Все хорошо будет. Все хорошо будет, Витя. Ты ведь Витя? Ну вот видишь, я все помню. Почему ты плачешь?